

М. А. Шестакова

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ. К ДИСКУССИИ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ

Проблема интеллектуалов генетически связана с вопросом о социальных функциях научного знания. В европейской традиции интеллектуал рассматривался как звено, соединяющее науку и общество, осуществляющее переход от частно-научного знания к общим социально-политическим проблемам. В связи с этим понятие интеллектуала определяется не через указание на род его занятий, а через социальные функции, которые он выполняет за пределами научного сообщества. Основной социальной функцией интеллектуала является социальное проектирование, формулировка общих социальных целей. Современные интеллектуалы поставлены перед выбором между неолиберальным и коллективным социальными проектами, перед вопросом о том, может ли частная, индивидуальная свобода рассматриваться как всеобщая социальная цель.

Ключевые слова: интеллектуал, истина, идеология, социальное проектирование, социальные функции научного знания.

Довольно много внимания в социально-философской мысли уделяется проблеме интеллектуалов [1]. Интеллектуал чаще всего понимается как человек, занимающийся умственным трудом, производящий или транслирующий научное знание. Р. Мертон, развивавший эту тему в контексте социологии науки, обратил внимание на то, что профессия не является признаком интеллектуала, учитель или профессор «может им быть, а может и не быть в зависимости от реального характера своей деятельности» [2, с. 341]. В современной ситуации, когда наука технологична, а экономика, политика, финансовая деятельность все более наукоемки, выделить людей, посвятивших себя развитию знания как такового, довольно проблематично. Сегодня *de facto* к интеллектуалам относят и научно-технические, и творческие, и управленческие кадры. Таким образом, говоря о занятиях интеллектуалов, можно, вслед за Л. Пэнто, указать на континуум позиций от университетского эрудита до чистого журналиста [3].

В этих условиях интеллектуала можно определить не столько через профессию, сколько через его социальные функции. Так, Ж.-П. Сартр называет интеллектуалами тех, кто «вмешивается в то, что его не касается» [4]. Интеллектуал, по его мнению, отличается тем, что выходит за пределы узкоспециальной научной деятельности и занимается общественными вопросами. Интеллектуал оказывается у Ж.-П. Сартра носителем социальных функций научного знания, звеном, соединяющим науку и общество. Истоки такого подхода можно усмотреть у Платона, А. Сен-Симона, О. Конта и других мыслителей.

В платоновском идеальном государстве действовал принцип «каждый делает свое дело». Это касалось всех социальных слоев. Но философы составляли особую группу, на которую возложена забота о государстве в целом. Социальные функции философов Платон связывает с особым типом знанием. В отличие от всех остальных, имеющих кон-

кретные познания, философ понимает общее, т. е. идеи. Именно знание идей, согласно Платону, необходимо для справедливого управления государством как целым. Платоновского философа можно рассматривать как предтечу европейского интеллектуала, образ которого формировался в сенсимолизме, позитивизме и других философских течениях. Европейский интеллектуал, как и платоновский философ, долгое время рассматривался как «место», где осуществляется скачок от частного к универсальному, от специализированного научного знания к общим социально-политическим вопросам. Этот образ интеллектуала формировался, в частности, А. де Сен-Симоном и О. Контом.

А. Сен-Симона интересует не статика управления неподвижным идеальным государством, а динамика социального прогресса. Трактруя все социальные институты как воплощения разума [5, с. 149], А. де Сен-Симон ставит общественный прогресс в зависимость от развития науки. Он выделяет три социальных слоя: ученые и художники, собственники и, наконец, третий класс, к которому относятся все остальные. Ученые и художники – это часть человечества, обладающая наибольшей мозговой энергией. Все они отвечают за народное просвещение. Однако лишь некоторые из них – гении, как их называет А. Сен-Симон, открывают универсальные законы и тем самым способствуют прогрессу, как научному, так и социальному. Гений А. Сен-Симона, как и платоновский философ, соединяет научное знание и общественное благо благодаря способности видеть общее, умению подняться над своим частным интересом. Однако платоновский философ достигает этого через совершенствование ума, например, через математику, которая приучает разум к общим идеям. В отличие от него гений А. де Сен-Симона поднимается до уровня всеобщего через альтруистическую любовь ко всему человечеству. Разумеется, тема эроса – одна из центральных и у Платона, но А. Сен-Симон значительно больше полагается на чувства,

чем Платон. Об этом свидетельствует и вторая особенность его доктрины – объединение ученых и художников в одну социальную группу. Платон, напротив, функционально разводит деятелей искусства и науки. Путь «из актеров в президенты» для него недопустим, поскольку художник занят чувственным и частным, что не позволяет ему адекватно понимать идеи – общие цели государства. В этом смысле А. Сен-Симон значительно ближе к распространенному сегодня представлению об интеллектуалах, к которым относят в том числе и художественную интеллигенцию.

Принципиально иную позицию занимает О. Конт. Основатель позитивизма, как и А. Сен-Симон, связывал социальный прогресс с развитием научного знания. При этом саму науку он рассматривал как совершенствование общечеловеческих естественных способностей, «как простое методическое продолжение всеобщей мудрости» [6, с. 130]. Ученый, с его точки зрения, заимствуя основные понятия и методы у простого рассудка, доводит их до высокой степени общности. В этом отношении ученый О. Конта заметно отличается от философа Платона или от гения А. Сен-Симона. В то время как Платон и А. Сен-Симон делают ставку на избранных, О. Конт полагается на общечеловеческий разум. Люди науки принципиально не отличаются от всех остальных. Они формулируют универсальные научные законы и общие социальные цели, используя обычные человеческие способности, развитые до определенной степени совершенства. При таком подходе социальные функции интеллектуалов имеют специфический оттенок. Контовский ученый-интеллектуал, формулирует всеобщие цели на том основании, что он сам принадлежит всеобщему – человечеству, человеческому разуму.

Сравнение доктрин Платона, А. Сен-Симона и О. Конта показывает, что проблема интеллектуалов генетически связана с вопросом о социальных функциях научного знания, с проблемой перехода от частного к общему. В концепциях двадцатого века понятие интеллектуала было поставлено под вопрос параллельно с ростом нигилизма в отношении общего – ценностей, истины, законов и т. д.

Эту ситуацию описал М. Фуко. Интеллектуал-универсал, с его точки зрения, исчезает вместе с представлением об универсальных ценностях, об общей для всех истине. Истина, или, в терминологии М. Фуко, режим истины, определяется борьбой социальных институтов, перераспределением власти между наукой, политикой, экономикой, образованием, масс-медиа и т. п. Каждое общество, по его мнению, имеет свой режим истины, свою «общую политику» истины, т. е. типы

рассуждений, которые оно принимает и использует в качестве истинных; механизмы и органы, позволяющие отличать истинные высказывания от ложных [7]. То, что в данном обществе рассматривается как истина, есть, с точки зрения М. Фуко, совокупный результат деятельности специалистов-профессионалов, включенных в различные социальные институты – научные, экономические, политические. В условиях отсутствия универсальной истины и других всеобщих ценностей место интеллектуала занимает специалист – ученый, преподаватель, экономист и т. д. Специалист не претендует на выражение универсальных ценностей и норм, он занят своим делом. При этом М. Фуко отличает просто специалиста от специалиста-интеллектуала. Последний ведет свою локальную борьбу за истину, действуя в условиях сложившегося режима истины и сопротивляясь чрезмерному давлению различных социальных сил и институтов. Именно в этой борьбе, как полагает М. Фуко, интеллектуал-специалист обретает свою значимость, локальная и конкретная борьба, которую он ведет, влечет за собой такие результаты и последствия, которые оказываются уже не просто узкопрофессиональными или внутриотраслевыми [7]. Отдавая должное М. Фуко, нужно заметить, что остается не вполне ясным, в чем именно заключается эта борьба, что должен делать специалист, чтобы стать специалистом-интеллектуалом. М. Фуко говорит об этом лишь в очень общем виде. Например: «...речь идет не о том, чтобы освободить истину от всякой системы власти (что было бы просто химерой, поскольку истина сама есть власть), но об отделении власти истины от различных форм гегемонии (общественных, экономических, культурных), внутри которых она действует до сих пор...» [7]. Заметим, что режимом истины М. Фуко называет любой фактически сложившийся расклад сил между социальными институтами. Иными словами, режим истины возникает сам по себе, как результат борьбы за гегемонию между различными социальными силами, а расшатывание этого режима М. Фуко делает осознанной задачей интеллектуала-специалиста. Можно сказать, что М. Фуко сводит роль специалиста-интеллектуала к отрицанию, уклонению или несогласию. В то время как интеллектуалы А. Сен-Симона, О. Конта и философы Платона руководствуются позитивно сформулированной целью, интеллектуалы-специалисты М. Фуко, не имея ориентира в виде универсальных ценностей, выходящих за границы сложившейся исторической ситуации, лишь сопротивляются сложившемуся порядку, уклоняются от господства тех или иных сил. При этом, на наш взгляд, остается неясным главный вопрос – что заставляет ин-

интеллектуала-специалиста сопротивляться, какова его внутренняя мотивация?

На этом фоне более выигрышной, с нашей точки зрения, выглядит позиция Ж.-П. Сартра, следующего европейской традиции и выступавшего против вытеснения интеллектуалов специалистами. К интеллектуалам он относит тех, которые ориентируются на идеал научной истины. В отличие от специалиста, привыкшего в силу своего образования заниматься частными вопросами, разрывать частное и общее, интеллектуал, с точки зрения Ж.-П. Сартра мыслит диалектически, осознает противоречие частного и универсального, научной истины и идеологии [4]. Хотя Ж.-П. Сартр не разъясняет, в чем состоит научная истина, очевидно, что она рассматривается как мотив деятельности интеллектуала. Вместе с тем, говоря о том, что интеллектуал умеет различать научную истину и идеологию, Ж.-П. Сартр поднимает вопрос о том, может ли интеллектуал, ориентированный на научную универсальную истину, подняться над частным политическим интересом.

Эта проблема многократно обсуждалась в контексте противопоставления общечеловеческих и классовых ценностей. К этой теме обращался, например, Н. Бердяев [8]. Рассматривая проблему интеллигенции, он, по существу, примыкает к европейской проблеме интеллектуалов. Под интеллигенцией Н. Бердяев имел в виду социальный слой, защищающий идеалы науки, философии и просвещения, противостоящий подчинению мысли и творчества интересам политических партий и кружков. Фактически Н. Бердяев противопоставлял подлинную интеллигенцию, проповедующую идеалы всеобщей надисторической истины, и неподлинную – русскую демократическую интеллигенцию – ангажированную, оторванную от мирового философского процесса, служащую изменчивым социальным идеалам. «Русская история создала, – по его мнению, – интеллигенцию с таким душевным укладом, которому противен был объективизм и универсализм, при котором не могло быть настоящей любви к объективной вселенской истине и ценности» [8, с. 32]. Позитивизм, экономический материализм, неокантианство, ницшеанство и даже понимание науки и ее роли, если верить Н. Бердяеву, было извращено русской интеллигенцией.

Мысль Н. Бердяева движется в традиционном русле понимания интеллектуалов: он определяет интеллигенцию как слой, который служит всеобщему благу, или универсальной истине. В свою очередь, отпадение от всеобщности рассматривается им как отказ интеллигенции от выполнения своей социальной роли. В этом контексте вполне «классическим» выглядит и рецепт Н. Бердяева: он

предлагает лечить русскую интеллигенцию «очистительным огнем философии». Это своеобразное возвращение к Платону, к отождествлению интеллигента и философа – подлинного выразителя всеобщего социального интереса. Любопытно, что Н. Бердяев не одинок в своем мнении. Очень близкую позицию мы встречаем, например, у французского мыслителя Ж. Бенда. Последний также противопоставляет универсальные духовные и частные практические-политические ценности. Как и Н. Бердяев, Ж. Бенда считает подлинным интеллектуалом того, кто служит истине, разуму и справедливости – высшим, универсальным неутилитарным духовным ценностям. В свою очередь ориентацию ученых на политические цели Ж. Бенда называет «предательством интеллектуалов» [9, с. 61]. Ясно, что Ж. Бенда имеет в виду идеальную демократию, а Н. Бердяев – конкретных русских демократов. Тем не менее очевидно, что противопоставление всеобщего-истинного, с одной стороны, и частного-политического, с другой стороны, на деле может служить основанием для различных, даже прямо противоположных политических позиций.

Проблема того, что объективная истина на деле может оказаться завуалированной политической позицией, в явном виде рассматривалась в марксистской традиции. Противовесом такой объективной истине выступал принцип партийности. Сформулированный К. Марксом и использованный В. И. Лениным, этот принцип провозглашал открытое выражение интеллигенцией интересов одного класса – пролетариата. Поскольку предполагалось, что освобождение пролетариата повлечет за собой освобождение всего человечества, цели пролетариата рассматривались как общечеловеческие. Соответственно интеллигенция была разделена на две составляющие: буржуазную и пролетарскую. Первая выражает частные интересы определенного социального слоя, но представляет свою позицию как объективную, т. е. универсальную, поднимающуюся над социальными противоречиями. Вторая, напротив, открыто встает на сторону пролетариата, выражает частный интерес, объективно являющийся всеобщим.

Критика марксистской концепции классовой борьбы, и в частности учения об исторической миссии пролетариата, не могла не вылиться в критику принципа партийности. Сомнение вызывала как вселенская миссия пролетариата, так и в целом учение о классовой борьбе. На этом фоне тезис об открытом выражении интеллигенцией точки зрения пролетариата, действительно, выглядит неубедительным. Сегодня невозможно непосредственно апеллировать к марксистскому концепту классовой борьбы. В то же время никто всерьез

не отрицает противоречий между различными социальными слоями и социальной детерминации интеллектуальной позиции. В этой ситуации требуется переосмысление как самой концепции классовой борьбы, так и проблемы политической ангажированности интеллектуалов.

Пример такого пересмотра можно найти у П. Бурдьё [10]. В интеллектуальной среде, особенно в общественных науках, французский социолог выделил две группы профессионалов-специалистов и исследователей. Специалисты замыкают свою деятельность внутри научной среды. Исследователи – это те, кто использует научные знания за пределами научного сообщества. Как можно заметить, П. Бурдьё занят той же проблемой противостояния специалиста и интеллектуала, к которой обращались Ж.-П. Сартр и М. Фуко и др. Та функция, которую П. Бурдьё приписывает исследователю, – разработка нового политического проекта, по существу, является социальной функцией интеллектуала. Как мыслитель конца двадцатого века, П. Бурдьё не может обойти тезис о детерминированности такого рода проектов интересами определенных социальных слоев. По-своему преломляя марксистский принцип партийности, он выступает за «ангажированное знание». Такое знание рождается внутри научного сообщества и подчинено его правилам, однако оно открыто поставлено на службу обществу. Как видно из вышесказанного, исследователь П. Бурдьё не служит определенному классу, он служит обществу в целом. Понятно, что общественные цели могут быть по-разному определены. П. Бурдьё, оценивая сложившуюся западноевропейскую цивилизацию, видит главный вызов современности в глобальных проблемах, возникших в результате неолиберальной политики. Поэтому задачи исследователей он видит в изобретении новых целей, методов, организационных структур, противодействующих распространению неолиберальных моделей в политике, экономике и других сферах общественной жизни: «Исследователи могут сделать кое-что более новое и более трудное: поощрять появление организационных условий для коллективной выработки политического проекта... который, разумеется, будет проектом коллективным» [10]. Иными словами, исследователь П. Бурдьё должен формулировать коллективистскую социальную программу, что его сближает с марксистской пролетарской интеллигенцией. Однако П. Бурдьё уходит от марксистского понятия классовой борьбы.

Среди современных концепций классовой борьбы можно выделить, например, подход А. Турена. Французский философ, размышляющий над противоречиями и конфликтами периода новейшей модернизации во Франции (конец 50-х – 70-е гг.),

пришел к выводу, что классовая борьба нового типа – это борьба за контроль над историческим процессом. Так, в индустриальном обществе, с точки зрения А. Турена, противостоят друг другу индустриалы и трудящиеся: «обе группы имеют одни и те же культурные ориентации: верят в прогресс, в грядущее благосостояние, в необходимость подавления сексуальной жизни. Но в то же время они борются друг с другом за общественный контроль над этой индустриальной культурой, за то, чтобы придать различные социальные формы одним и тем же культурным ориентациям» [11, с. 41]. Такое понимание классовой борьбы, на наш взгляд, плодотворно для исследования проблемы социальных функций интеллектуалов. Социальное проектирование приобретает смысл в контексте борьбы за направление исторического процесса. Вся проблематика интеллектуалов – противостояние специалиста и интеллектуала, частной политической позиции и общечеловеческих ценностей, профессиональной деятельности и заботы об общественном устройстве в целом – все те вопросы, которые рассматривались А. де Сен-Симоном, О. Контом, Н. Бердяевым или Ж.-П. Сартром и М. Фуко и другими, – лишь частные проявления борьбы за направление исторического процесса. Стоит согласиться с П. Бурдьё, что сегодня на повестке дня выбор между неолиберальным и коллективным социальным проектами. Склоняясь к одной из сторон этой альтернативы, современный интеллектуал включается в борьбу за контроль над историчностью.

Неолиберальный проект выдвигает индивидуальную свободу в качестве универсальной общечеловеческой ценности. При ближайшем рассмотрении эта свобода оказывается свободой частного капитала от государственного регулирования или творческой свободой художника независимого от общих государственных, моральных или эстетических и иных ценностей, свободой личности по выбору пола и т. д. С таким пониманием свободы связан специфический социальный состав интеллектуалов неолиберального типа: помимо представителей бизнеса в него входит и художественная интеллигенция. При этом роль ученых, традиционно относимых к сословию интеллектуалов, практически незаметна. Это обстоятельство можно трактовать как разрыв с прежней традицией, где интеллектуал – это прежде всего ученый или философ. Главная проблема неолиберального проекта заключается в том, может ли тот тип индивидуальной свободы, который предполагается данным проектом, в действительности быть общей социальной целью. Учитывая то обстоятельство, что реальным субъектом исторического и политического процесса по-прежнему остается государство,

а не индивидуальный предприниматель или художник, неолиберальная цель выглядит в лучшем случае как заблуждение, в худшем – как обман.

Здесь необходимо вернуться к вопросу о том, может ли специалист выполнить функцию интеллектуала. На сегодняшний день именно профессионалы, эксперты в определенной области, выступающие со своими оценками социальных проблем, *de facto* часто рассматриваются как интеллектуалы. Очевидно, что знание эксперта является специальным. Но его мнение не является свободным хотя бы на том основании, что его деятельность, как правило, включена в бюрократический механизм государства. Эту проблему, в частности, исследовал Р. Мертон. Занимаясь вопросами социологии знания, он разделил современных работников умственного труда на два типа: тех, кто включен в государственную бюрократию, и тех, кто остался за пределами бюрократических институтов [2, с. 343]. Оба типа могут быть абсолютно честны перед собой, но принимать различные ценностные решения. При этом государственная бюрократия оказывает давление на отчужденных интеллектуалов, подчиняя их политике тех, кто принимает стратегические решения. В результате голос отчужденного интеллектуала плохо слышен и стремится к исчезновению [2, с. 347–349]. Рассуждения Р. Мертона актуальны, на наш взгляд, и для современной ситуации. Специалист-эксперт втянут в бюрократические механизмы. Поэтому его мнение остается частным в двух отношениях: как мнение специалиста в определенной области и как мнение человека, принадлежащего к определенным корпоративным структурам. При этом сам эксперт, как правило, подчеркивает частный, профессиональный характер своих суждений. Если возвратиться к исходному пониманию интеллектуала как «места», в котором совершается скачок от частного к универсальному, станет очевидным, что эксперт как бы и не претендует на эту роль. Вместе с тем, учитывая медийный характер большинства экспертов, нужно отметить основной

тренд современности – особое положение эксперта, частному мнению которого придается общественное значение через СМИ. Иными словами, эксперт реально выходит за границы своей профессиональной деятельности, вмешивается «в то, что его не касается» и в действительности вносит свою лепту в борьбу за направление исторического процесса. Тем самым он в определенной мере возлагает на себя социальную функцию интеллектуала. Однако, в отличие от последнего, он делает это неявно, избегая рисков открытого формулирования социальных программ. Иными словами, эксперт фактически занимает сегодня традиционную нишу европейского интеллектуала. При этом функция интеллектуала лишь имитируется, поскольку эксперт не претендует и, как правило, не может в силу своей корпоративной зависимости подниматься до уровня общесоциальных целей и программ.

Подводя итог, можно сказать, что социальная функция интеллектуалов, понимаемая как выражение общего, как социальное проектирование за пределами научной узкопрофессиональной деятельности, оказывается востребованной и сегодня. Однако современные интеллектуалы – это не сообщество единомышленников, верящих в справедливое управление государством вроде платоновских философов или ученых О. Конта, объединенных верой в универсальный научный разум. Это социально разнородный социальный слой, явно или неявно выражающее различные политические позиции. К функции современных интеллектуалов, безусловно, относится несогласие или уклонение от властного дискурса, однако этими действиями данная функция не исчерпывается. Основная задача интеллектуала заключается в прояснении возможностей гармонизации отношений между индивидуальным, частным и коллективным в современной ситуации – в условиях разрушения концептов общего блага, научной и универсальной истины, в условиях противостояния неолиберального и коллективного социальных проектов.

Список литературы

1. Фадеева Л. А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 108–138.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура, 1949. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 873 с.
3. Пэнто Л. Философская журналистика // Социо-Логос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 30–56. URL: <http://sociologos.net/textes/pinto/pinto1.htm> (дата обращения: 30.01.2015).
4. Сартр Ж.-П. Защитительная речь в пользу интеллектуалов. Лекция первая. Кто есть интеллектуал? / пер. с фр. А. Зуйковой // Скепсис. Науч.-просвет. журнал. URL: http://scepsis.net/library/id_2752.html (дата обращения: 30.01.2015).
5. Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. MCMXLVIII. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 469 с.
6. Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д: Феникс, 2003. 256 с.

7. Фуко М. Политическая функция интеллектуала. Извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Практикс, 2002. С. 201–210. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php (дата обращения: 30.01.2015).
8. Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 24–42.
9. Бэнда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН: Мысль: Социум, 2009. 310 с.
10. Бурдые П. За ангажированное знание / пер. с фр. М. Бухарина // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd-pr.html> (дата обращения: 30.01.2015).
11. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

Шестакова М. А., кандидат философских наук, доцент.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Ломоносовский пр., 27–4, Москва, Россия, 119991.

E-mail: m.a.shestakova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26.02.2015.

М. А. Shestakova

THE SOCIAL FUNCTIONS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE. TO THE DISCUSSION ON INTELLECTUALS

The problem of intellectuals is genetically related to the question of the social functions of scientific knowledge. An intellectual in the European tradition is regarded as a link connecting science and society, making the transition from concrete scientific knowledge to the general socio-political issues. In this context, the notion of an intellectual is determined not by the reference to his line of work, but through the social functions that he performs outside the scientific community. The main social function of an intellectual is social design, formulation of common social objectives. Modern intellectuals are facing a choice between the neoliberal social project and the collective social project, the question of whether individual freedom can be regarded as a universal social purpose.

Key words: *intellectual, truth, ideology, social design, social functions of scientific knowledge.*

References

1. Fadeeva L. F. Diskussii ob intellektualakh v kontekste politicheskoy istorii Zapada [Discussions on intellectuals in the context of the Western political history]. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*, 2012, no. 41, pp. 108–138 (in Russian).
2. Robert K. Merton. *Social Theory and Social Structure*, 1949 (Russ. ed. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Moscow, AST, AST Moskva, Khranitel Publ., 2006. 873 p.).
3. Pinto Louis. Le journalisme philosophique. In: *Actes de la recherche en sciences sociales*. Vol. 101–102, mars 1994. L'emprise du journalisme. Pp. 25–38 (Russ. ed. Pinto L. *Filosofskaya zhurnalistika. Sotsio-Logos postmodernizma. Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologicheskikh issledovaniy Instituta sotsiologii Rossiyskoy akademii nauk*. М.: Institut eksperimental'noy sotsiologii [Socio-Logos of Postmodernism. Almanac of the Russian-French Centre for sociological research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences], Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., 1996, pp. 30–56. URL: <http://sociologos.net/textes/pinto/pinto1.htm>, (accessed 30 January 2015).
4. Jean-Paul Sartre. *Situations Philosophiques* [1990]. Collection Tel (No 171), Gallimard, pp. 219–238 (Russ. ed. Sartre Zh.-P. *Zashchitel'naya rech' v pol'zu intellektualov. Lektsiya pervaya. Kto est' intellektual? Perevod s frantsuzskogo A. Zuykovoy. Skepsis. Nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal*. URL: http://sceptis.net/library/id_2752.html (accessed 30 January 2015).
5. *Oeuvres de Saint-Simon publiés en 1832 par Olinde Rodrigues, Paris, Capelle 1841* (Russ. ed. S.-Simon H. *Izbrannye sochineniya*. Vol. 1. MCMXLVIII. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1948. 469 p.).
6. Comte A. *Discours sur l'esprit positif*, P., 1844 (Russ. ed. Cont A. *Dukh pozitivnoy filosofii (Slovo o polozhitel'nom myshlenii)*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2003. 256 p.).
7. Foucault Michel. La fonction politique de l'intellectuel // *Politique-Hebdo*. 29 novem-bre-5 decembre 1976. P. 31–33 (Russ. ed.: Фуко М. Политическая функция интеллектуала. Извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами. *Foucault M. Intellektualy i vlast: Isbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*. Moscow, Praktis Publ., 2002. Pp. 201–210). URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_10.php (accessed 30 January 2015).
8. Berdyayev N. *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda* [Philosophical truth, and the truth of intellectuals]. *Vekhi. Intelligentsiya v Rossii. Sbornik statey 1909–1910* [Milestones. The intelligentsia in Russia. A Collection of Essays, 1909–1910]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1991. 464 p. (in Russian).
9. Benda Julien. *La trahison des clercs, 1927* (Russ. ed. Benda Zh. *Predatel'stvo intellektualov*.) Moscow, IRISSEN, Mysl', Sotsium Publ., 2009. 310 p.

10. Burd'ye P. Za angazhirovannoye znanie [For biased knowledge]. *Neprikosnovenny zapas – Emergency store*, 2002, no. 5 (25) (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd-pr.html> (accessed 30 January 2015).
11. Touraine Alain. Le Retour de l'acteur: essai de sociologie, 1984 (Russ. ed Turen A. *Vozvrashcheniye cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii*. Moscow, Nauchny mir Publ., 1998. 204 p.)

Moscow State University named after M. V. Lomonosov.
Pr. Lomonosovsky, 27–4, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.
E-mail: m.a.shestakova@yandex.ru